

Социальная структура. Социальная политика

© 2017 г.

В. Г. НЕМИРОВСКИЙ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОСЛОВНОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия (valnemirov@mail.ru).

Аннотация. Статья основана на материалах репрезентативных социологических исследований, проведённых в 2016 г. в одном из крупнейших регионов Сибири – Красноярском крае. Автор концентрирует внимание на представлениях о дистрибутивной составляющей социальной справедливости, причём социальная структура рассматривается с позиций сословной модели. Установлено, что социальная справедливость воспринимается большинством как возможность добросовестной конкуренции за доступ к общественным ресурсам. Поэтому именно сословные препятствия на пути распределения общественных ресурсов выступают значимым тормозом на пути реализации социальной справедливости. В статье сопоставляются, с одной стороны, структура представлений населения о степени дистрибутивной справедливости положения различных сословий и отдельных внесословных групп, с другой – самооценки справедливости социального положения в рамках этих сословий и групп. Выявлено несоответствие данных структур, в результате чего наименее справедливым считают своё положение представители сословия государственных служащих. Для объяснения подобного феномена автор привлекает теорию относительной депривации (У. Рансимэн). Делается вывод: эффективный анализ структуры современного российского общества лежит на пути создания её более адекватной модели в контексте синтеза стратификационного, классового, сословного, функционального и иных подходов.

Ключевые слова: социальная справедливость • дистрибутивная справедливость • конкурентоспособность • регион • сословная структура • социальные представления

DOI: 10.7868/S0132162517090057

Актуальность темы исследования и её научная разработанность. Проблема социальной справедливости в обществе обостряется в период интенсивных социальных изменений и трансформаций. Актуализация её “поиска” зачастую выступает предвестником неких социальных перемен, что уже было не раз в отечественной истории. Мы рассматриваем социальную справедливость как структурообразующую доминанту ценностей русского народа и солидаризируемся с выводом: массовая мечта о справедливом и разумно устроенном обществе, характерная для русской культуры и российской цивилизации, выступает “ядром” чаяний россиян об обществе, в котором

При финансовой поддержке государственного задания Минобрнауки РФ “Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодежи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики”. Код проекта 28.2941.2017/4.6.

они хотели бы жить [Горшков, Крумм, Тихонова, 2013: 303–304]. Социальную справедливость определяем как комплексный ценностно-смысловой феномен, имеющий иерархическую структуру и объединяющий различные ценности и принципы, включая как рациональные, так и эмоциональные компоненты. Её дистрибутивные элементы выражают вознаграждение в соответствии с вкладом социальных субъектов в общественную жизнь. В наши дни “резко усилилось ощущение нарушений социальной справедливости. ...Ощущение несправедливости формируется именно в той среде, с которой человек непосредственно соприкасается, и о которой он может судить по таким вполне наглядным и конкретным показателям, как оплата труда, разрыв в уровне жизни и т.п.” [Тощенко, 2015: 34].

В современной отечественной социологии проблема социальной справедливости рассматривается прежде всего в контексте социального неравенства и социальной мобильности, в т.ч. в территориальном аспекте¹. Реализован подход, в центре которого находятся социально-регулирующие функции социальной справедливости в контексте ценностей российского общества, выступающей его духовной основой. В последние десятилетия активизировались исследования данного феномена с использованием эмпирических методов, в том числе представлений в сознании различных социальных групп населения. Социальная справедливость широко изучается через призму распределительных отношений в обществе. В рамках V Всероссийского социологического конгресса в Екатеринбурге состоялось всестороннее обсуждение проблемы социального неравенства и справедливости, которое обобщило результаты предшествующих работ по данной проблематике, наметило перспективные пути дальнейших исследований [Социология и общество..., 2016].

Ряд авторов пишут о формировании (или сохранении) сословных элементов общественной структуры в России; подобные тенденции обнаружены в различных современных обществах и странах [Рябов, 2008; Кордонский, 2008; Кордонский и др. 2012; Катасонов, 2015; Бессонова, 2015; Shlapentokh, 1996; Shlapentokh, Woods, 2007; North и др., 2009; и др.]. В некоторых публикациях данный подход подвергается критике [Черныш, 2012]. Идёт активный поиск новых оснований для выделения реальной социальной структуры российского общества [Мальцева и др., 2016].

В отечественной науке сословия традиционно воспринимаются как атрибут феодального общества. Под сословиями принято понимать группы людей, которые обладают законодательно закреплёнными правами и обязанностями. Межсословные перемещения между ними резко ограничены, а социальные статусы, как правило, передаются по наследству. В царской России выделяли шесть основных сословий: дворянство, купечество, духовенство, казачество, мещанство и крестьянство. Хотя к тому моменту активно формировались новые классы и различные социальные группы.

Оценка своего положения как справедливого у социальных акторов невозможна без эффективной и свободной конкуренции в обществе. Социальная мобильность, прежде всего вертикальная, требует наличия соответствующих ресурсов и свободной конкуренции за возможность их использования. Но в современном российском обществе для неё существуют серьёзные сословные ограничения, что препятствует реализации социальной справедливости. В данной работе мы опираемся на подход, в соответствии с которым в сегодняшней России на основе федеральных законов “...выделены семь основных видов служения и соответственно им семь основных сословий” [Кордонский, 2008, 80–95]. Это – титульные сословия. Присутствуют и нетитульные, “... в которых, сословные отличия определены не напрямую – через служение – образом, а непрямыми законами или советской традицией. Нетитульные сословия

---

¹ В мировой науке социологические и социально-философские аспекты социальной справедливости анализировали П. Бергер, П. Бурдьё, Ж. Деррида, Н. Лукман, Дж. Роулз, Ю. Хабермас, О. Хёффе и др.

не служат, а обслуживают. Они образованы по социальной (государственной) функции, иногда формально не вполне определённой". Причём в сословной структуре существуют весьма острые формы конкуренции за распределяемые ресурсы.

Проблема, гипотезы и методы исследования. В 2012–2016 гг. сотрудниками Сибирского федерального университета были проведены репрезентативные исследования среди жителей Красноярского края методом формализованного интервью с использованием дополненной нами модели титульных (всего – семь) и нетитульных (шесть + незакреплённые в титульной сетке мигранты) сословий. Отметим: один и тот же субъект одновременно может принадлежать к разным сословиям и социальным группам (классам). Существуют группы с внесословным или маргинальным статусом: мигранты, заключённые, студенты и т.п.². Установлено, что в массовом сознании присутствуют представления о существовании общественных сословий. Однако **проблема** реализации социальной справедливости в контексте конкуренции между сословиями и иными социальными группами (и классами) за распределение общественных ресурсов остаётся открытой.

В исследовании проверялась **гипотеза**: представители титульных сословий получают больший объем ресурсов от общества и, соответственно, имеют высокую конкурентоспособность. Исследование проводилось социологами по месту жительства в 28 населённых пунктах в феврале 2016 г. ($N = 1000$). Использована стратифицированная, многоступенчатая, районированная, квотная выборка, репрезентированная в соответствии с половозрастной, образовательной и поселенческой структурой региона. В основу набора индикаторов была положена модифицированная нами сословная модель современной России.

Сословная структура российского общества. Интервью с респондентами показали: две трети из них в оценках социальной несправедливости опираются на сопоставление (существующего в форме социальных стереотипов) вклада социального актора в дела общества и производство благ, которые он в результате "обретает". Это важная характеристика конкурентоспособности субъекта в системе распределительных отношений в социуме. В качестве субъекта может выступать как индивид, так и любая социальная группа или сословие.

Индикатором конкурентоспособности сословий послужил вопрос закрытого типа: "Как вы считаете, сколько получают различных благ от российского общества, а сколько сами отдают ему своего труда и таланта представители следующих социально-профессиональных групп?³" Ответ характеризует также оценку респондентом справедливости его положения в социуме. Если люди, по их мнению, получают от общества существенно больше ресурсов, чем дают ему сами, они считают это справедливым. Мотивация их достаточно проста: "мы (наши родители) это заслужили".

Факторный анализ полученных данных методом Варимакс выявил семь латентных переменных в массовом сознании населения региона, описывающих сословия или общественные группы. Общая описательная сила: 63,84%.

Ф-1 характеризует "**элитное сословие**": ,756 политики; ,696 депутаты; ,640 высшие государственные чиновники; ,443 судьи; ,268 представители крупного бизнеса. Оно включает ряд "подсословий" (первые четыре из них – титульные, последнее – нетитульное). Они объединены возможностью получать значительную долю ресурсов

²Достаточно многолико выступает группа пенсионеров, материальное обеспечение которых регулируется законами, предусматривающими различные виды пенсий, льгот и т.п. Это позволяет отнести их к нетитульному сословию. Многие пенсионеры вынуждены продолжать трудовую деятельность, причём зачастую в форме "серых" практик, что придаёт этой группе серьёзные маргинальные черты.

³Понятие "социально-профессиональные группы" было использовано в вопросе вместо менее понятных и привычных респондентам "сословий".

в российском обществе с использованием как легитимных, так и нелегитимных практик. Описательная сила (ОП): 11,66%.

Ф-2 выражает комплекс **нетитульных сословий, занятых в сфере услуг, в области умственного труда, творчества**: ,878 “лица свободных профессий” (писатели, художники, дизайнеры, артисты, специалисты в сфере ИТ, рекламы, PR, фрилансеры, журналисты и т.п.); ,755 – бюджетники (лица, занятые в основном трудом в социальной сфере, получающие оплату из бюджета: врачи, медработники, преподаватели учебных заведений, работники культуры и т.п.); (ОП): 10,92%.

Ф-3 описывает титульное сословие **“работников силовых структур”**: ,830 – военнослужащие, ,794 – сотрудники спецслужб, ,789 – работники правоохранительных органов; (ОП): 10,27%.

Ф-4 – это лица с **внесословным статусом**: ,771 – студенты; ,660 – трудовые мигранты; ,509 – инвалиды и нетитульное сословие; ,406 – пенсионеры; (ОП): 9,50%.

Ф-5 объединяет титульное сословие **“чиновников”**: ,822 – государственные муниципальные служащие; ,803 – государственные гражданские служащие; (ОП): 8,09%

Ф-6 описывает **маргинальные социальные группы**: ,798 – заключённые; ,732 – безработные; (ОП): 7,94%.

Ф-7 характеризует **“бизнес-сословие”**: ,847 – представители малого бизнеса; ,800 – среднего бизнеса; (ОП): 5,46%.

По мнению представителей данных сословий (см. табл.), получают от общества более ресурсов, чем дают ему, представители титульных сословий: элиты, чиновники (точнее, одного из двух его подсословий – государственные муниципальные служащие), работники силовых структур, нетитульные “бизнес-сословия” и “лица свободных профессий”, а также внесословная маргинальная группа студенты. Именно эти элементы социальной структуры наиболее конкурентоспособны в обществе; их представители считают своё положение наиболее справедливым. В целом у них преобладает мнение, что они “получают от общества больше, чем дают”. В ряде случаев установленная оценка противоречит объективным данным о положении того или иного сословия или группы в дистрибуции. Подобные ответы обусловлены многообразными социальными практиками (от “гаражной” экономики и т.н. “отходничества” до различных видов коррупционного поведения), которые позволяют эффективно “перераспределять” общественные ресурсы.

Данное исследование показывает, что “за бортом” социальной справедливости (и конкурентоспособности) остаются “нетитульные” сословия, занятые: в сферах услуг; в области умственного труда; творчества; а также титульное подсословие государственных гражданских служащих, которые в два раза чаще, чем муниципальные служащие, полагают, что “вознаграждаются” обществом меньше, чем дают ему сами.

Для объяснения подобной ситуации нами привлечена теория относительной депривации [Runciman, 1966]. Она основывается на утверждении: индивидуальное чувство депривации зависит от относительного положения, которое индивидuum занимает по отношению к референтной для себя группе. К подобным выводам пришли также [Веблен, 1899; Diener, 1993; Kahneman, 2010; Layard, 2009]. Можно предположить, что респонденты, которые отнесли себя к государственным гражданским служащим, по роду своей деятельности активно взаимодействуют с представителями высокостатусных и высокообеспеченных групп нашего общества. Это вызывает у многих из них состояние депривации и ощущение несправедливости своего положения, навязанной им низкой конкурентоспособности. Истоки этого – в дистрибутивной экономике, породившей идею справедливости иерархического распределения – каждому положению то, что соответствует занимаемой им должности, месту в иерархии. Это же породило сильнейшую социальную зависть и чувство несправедливости существующего

Таблица

Распределение ответов на вопрос: "Соответствует ли то, что вы лично получаете от общества, тому, что вы ему даете?" (% от числа опрошенных)

Сословия и внесословные группы	Оценка своего положения	
	"получаю от общества меньше, чем даю"	"получаю от общества больше, чем даю"
Титульное сословие "Элита"	35	59
Титульное сословие "Чиновники":		
Государственные гражданские служащие	56	28
Государственные муниципальные служащие	28	61
Среднее	42	45
Нетитульное сословие "Бюджетники"		
Титульное сословие "Работники силовых структур":	44	51
Правоохранители	42	50
Сотрудники спецслужб	30	50
Военнослужащие	37	63
Среднее	36	54
Нетитульное сословие "Лица свободных профессий"		
"Бизнес-сословие":	27	64
Представители среднего бизнеса	33	59
Представители малого бизнеса	28	61
Среднее	31	60
Внесословные маргинальные группы:		
Пенсионеры	36	49
Инвалиды	40	50
Безработные	29	38
Студенты	30	60
Среднее	34	49
Среднее общее	36	55

порядка⁴. Для понимания выявленной нами ситуации важен также анализ особенностей той или иной социальной группы [Антонова, 2016].

Выводы. Выдвинутые гипотезы в целом подтвердились. В массовом сознании существует своеобразный "рейтинг справедливости" (выступающий аналогом рейтинга социальной конкурентоспособности) места различных сословий в структуре дистрибутивных отношений современного российского общества. Эти представления отражают перераспределение различных благ и ресурсов в пользу прежде всего титульных сословий.

Следовательно, современный российский социум как транзитивное общество включает не только классы, но и сословия. Взаимоизолированность последних, жёсткая внешняя детерминация распределения ресурсов (иногда "смягчаемая" противоправными практиками) препятствует справедливой конкуренции в обществе. Классовая структура не имеет столь жёстких ограничений для конкуренции и, соответственно, для вертикальной мобильности, как сословная. Поэтому данные затруднения могут более эффективно преодолеваться в рамках развития классов и иных социальных групп, сложившихся (или ещё формирующихся) в нашем обществе.

⁴Гудков Л. Д. Имморализм посттоталитарного общества в России [Электронный ресурс]. URL: Полит. ру. Лекции. 24 июля 2016 г., <http://polit.ru/article/2016/07/24/immoralism/> (дата обращения: 8.05.2017).

Один из механизмов реализации справедливости – конкуренция сословий и социальных групп (классов). Установлено несоответствие между массовыми представлениями о дистрибутивной социальной справедливости в контексте сословий современной России, с одной стороны, и оценкой степени справедливости собственного положения в распределительной схеме у одних и тех же респондентов, с другой. В массовом сознании существуют, как минимум, два условных совокупных класса, один из которых выступает “эксплуатирующим”, а другой – “эксплуатируемым”. Логично предположить более высокий потенциал социального недовольства и протеста среди представителей последнего. Надо учитывать региональную специфику исследования; тем не менее существует, обоснованное представление о Красноярском крае как о регионе, моделирующем всю Россию. Поэтому можно говорить о высоких рисках инерционного движения российского социума. Недовольство россиян нарушениями социальной справедливости, её дистрибутивных аспектов – важный фактор дестабилизации общества. Именно в подобной специфической социокультурной ситуации происходит формирование конкурентоспособности и конкурентоориентированности российской молодежи.

Сословная модель социальной структуры современного российского общества нуждается в определённом дополнении. Она выступает не только как вполне обоснованная теоретическая концепция, но и как один из феноменов массового сознания. Классовая и стратификационная структура российского общества более сложна и сочетает в себе элементы, относящиеся к различным общественно-экономическим формациям: капитализму, феодализму и даже, отчасти, лакуны более ранних формаций. Её транзитивное состояние порождает новые значимые социальные общности, такие как прекариат – протокласс [Тощенко, 2015а]. Таким образом, эффективный анализ структуры современного российского общества лежит на пути синтеза стратификационного, классового, сословного, функционального и иных подходов в современной социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова В.К. Особенности профессионализации госслужащих в условиях современных российских реформ // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 76–82.
- Горшков М.К., Крумм Р., Тихонова Н.Е. (ред.) О чём мечтают россияне: идеал и реальность. М.: Весь мир, 2013.
- Катасонов В.Ю. От рабства к рабству. От Древнего Рима к современному капитализму. М., 2015.
- Кордонский С. Г., Дехант Д. К., Моляренко О.А. Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России. 2012. Т. 21. № 2. С. 62–102.
- Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2008.
- Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махныткина О.В. Об эмпирических индикаторах социальной структуры и социальной стратификации // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 33–42.
- Мансуров В.А. (ред.). Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) // Материалы V Всероссийского социологического конгресса. М.: Российское общество социологов, 2016. (DVD ROM).
- Немировский В.Г. Ценностные и социально-сословные препятствия на пути социокультурной модернизации России и ее регионов // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 4(116). С. 57–70.
- Рябов А.В. Возрождение “феодалной” архаики в современной России: практика и идеи // Рабочие материалы. Московский центр Карнеги. 2008. № 4. С. 4–5.
- Тощенко Ж. Т. Травма и антиномия – новые черты общественного сознания и поведения в современной России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 34.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.
- Черныш М.Ф. Справедливость и её миражи // Мир России. 2012. № 2. С. 103–115.
- Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009.

- Шляпентох В.Э. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-принт, 2008.
- Diener E., Sandvik E. et al. The relationship between income and subjective well-being: relative or absolute? // *Social Indicators Research*. 1993. No. 28. P. 195–223.
- Festinger L. A theory of social comparison processes // *Human Relations*. 1954. No. 7. P. 117–140.
- Kahneman D., Diener E. and Helliwell J. (eds). *International Differences in Well-being*. Oxford University Press, 2010.
- Layard R., Mayraz G. and Nickell St. Does Relative Income Matter? Are the Critics Right? // CEP Discussion Paper. No. 918. 2009. Centre for Economic Performance, London School of Economics and Political Science, London, UK.
- North D., Walliss J.J., Weingast B.R. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge University Press, 2009.
- Runciman W.G. *Relative Deprivation and Social Justice* // Reports of the Institute of Community Studies. Routledge and Kegan Paul. London, Boston, and Henley, 1966.
- Shlapentokh V. Early Feudalism – The Best Parallel for Contemporary Russia // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. No. 3. P. 393–411.
- Shlapentokh V., Woods J. *Contemporary Russia as a Feudal Society: A New perspective on the Post-Soviet Era*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.
- Veblen T. *The Theory of the Leisure Class*. New York: Macmillan, 1899.

Статья поступила: 31.01.17.

Финальная версия: 11.04.17. Принята к печати: 28.04.17.

JUSTICE CONCEPT IN THE CONTEXT OF THE ESTATE SOCIAL STRUCTURE OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

NEMIROVSKIY V.G.

Tyumen State University, Russia

Valentin G. NEMIROVSKIY, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Leading research fellow, Tyumen State University, Tyumen, Russia (valnemirov@mail.ru).

Acknowledgements. With financial support of the government task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Formation of youth competitiveness orientation in the Russian society in the context of modern sociocultural dynamics”. Project code 28.2941.2017/4.6.

Abstract. The paper is based on representative sociological studies conducted in one of the largest regions of Siberia – the Krasnoyarsk Territory in 2016. The author focuses on the perceptions of the distributive component of social justice. What is more, the social structure is viewed from the standpoint of the estate model. It is established that social justice is perceived by the majority as an opportunity for fair competition for access to public resources. Therefore, particularly the class barriers to the distribution of public resources are an important obstacle to the realization of social justice. The paper compares, at the one hand, the structure of public perceptions of the degree of distributive justice of the position of different estate groups, on the other hand – the self-assessment of the degree of justness of social position within these groups. The research revealed a mismatch of these structures, when, for instance, the representatives of the estate group of public officials report their position in the society as the least just. To explain this phenomenon the author draws on the theory of relative deprivation by W. Runciman. It is concluded that an effective analysis of the structure of a modern Russian society is achievable through elaboration of a more adequate model in the context of the synthesis of stratification, class, estate, functional and other methodological approaches in contemporary sociology.

Keywords: social justice, distributive justice, competitiveness, region, estate social structure, social beliefs.

REFERENCES

- Antonova V.K. (2016) Civil servants' professionalization specifics in the context of current reforms in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 2: 76–82. (In Russ).
- Chernysh M.F. (2012) Justice and its illusions. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 2: 103–115. (In Russ).
- Gorshkov M.K., Krumm P., Tihonova N.E. (eds) (2013). *What Russians Dream of: Ideals and Reality*. Moscow: Ves' mir. (In Russ).
- Katasonov V.Y. (2015) *From Slavery to Slavery. From Ancient Rome to Capitalism*. Moscow. (In Russ).
- Kordonsky S.G. (2008) Estate structure of postsoviet Russia. Moscow: Public Opinion Foundation. (In Russ).
- Kordonsky S.G., Dehant D.K., Molyarenko O.A. (2012) Estate components of social structure in Russia: hypothetico-deductive analysis and modeling attempts. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 21. No. 2: 62–102. (In Russ).
- Maltseva A.V., Shilkina N.E., Mahnytkina O.V. (2016) Social structure and social stratification of society: empirical indicators. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 10: 33–42. (In Russ).
- Mansurov V.A. (ed.) (2016) *Sociology and society: social inequalities and social justices* (Ekaterinburg, October 19–21, 2016). Materialy V Vserossijskogo sotsiologicheskogo kongressa. Moscow: Rossijskoe obshchestvo sotsiologov. 10696 (DVD ROM). (In Russ).

- Nemirovsky V.G. (2013) Value and social class obstacles on the way towards socio-cultural modernization of Russia and its regions. *The monitoring of public opinion*. No. 4(116): 57–70. (In Russ).
- Ryabov A.V. (2008) Renewal of “feudal” antiquity in contemporary Russia: practices and ideas. *Rabochie materialy Moskovskogo tsentra Karnegi* [Materials of Carnegie Moscow Center]. No. 4: 4–5. (In Russ).
- Shkaratan O.I. (2009) Socioeconomic inequality and its reproduction in contemporary Russia. Moscow. (In Russ).
- Shlyapentoh V.E. (2008) Modern Russia as feudal society. Moscow: Stolitsa-print.
- Toshchenko Zh.T. (2015) Precariat – a new social class. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 6: 3–13. (In Russ).
- Toshchenko Zh.T. (2015) Trauma and Antinomy – The New Features of Public Consciousness and Behavior in Contemporary Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 3: 34. (In Russ).
- Diener E., Sandvik E. et al. (1993) The relationship between income and subjective well-being: relative or absolute? *Social Indicators Research*. No. 28: 195–223.
- Festinger L. (1954) A theory of social comparison processes. *Human relations*. No. 7: 117–140.
- Kahneman D., Diener E., Helliwell J. (eds) (2010) *International Differences in Well-being*. Oxford University Press.
- Layard R., Mayraz G., Nickell St. (2009) Does Relative Income Matter? Are the Critics Right? *CEP Discussion Paper*. No. 918. London: Centre for Economic Performance, London School of Economics and Political Science.
- North D., Walliss J.J., Weingast B.R. (2009) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge University Press.
- Runciman W.G. (1966) *Relative Deprivation and Social Justice. Reports of the Institute of Community Studies*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Shlapentokh V. (1996) Early Feudalism – The Best Parallel for Contemporary Russia. *Europe-Asia Studies*. Vol. 48. No. 3: 393–411.
- Shlapentokh V., Woods J. (2007) *Contemporary Russia as a Feudal Society: A New perspective on the Post-Soviet Era*. New York: Palgrave Macmillan.
- Veblen T. (1899) *The Theory of the Leisure Class*. New York: Palgrave Macmillan.

Received: 31.01.17. Final version: 11.04.17. Accepted: 28.04.17.